УДК 811.161.1

DOI 10.23951/1609-624X-2020-4-152-162

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ НОРМЫ В ФОРМАТЕ ТОК-ШОУ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕДАЧИ «АНДРЕЙ МАЛАХОВ. ПРЯМОЙ ЭФИР»

Д. С. Васильева, Н. В. Орлова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

Введение. Влияние современных медиа на мировоззрение и поведенческие установки социума остается малоизученным. Поведенческие нормы, транслируемые в формате ток-шоу, являются основаниями оценочных высказываний, соотносятся с ценностями разных типов. Диалектические отношения компонентов аксиологического комплекса обуславливают целесообразность их совместного рассмотрения.

Цель статьи – выявить и описать поведенческие нормы, оценки человека и ценности социума, репрезентированные в одной из передач ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир».

Материал и методы. Используется лингвоаксиологический анализ – семантический анализ единиц разных уровней языка и категорий дискурсивной природы, направленный на выявление нормативно-оценочных значений в сфере поведения человека. Этапами анализа являются определение типичных средств выражения данных значений и формирование на их основе фактологической базы исследования, классификация высказываний по соотнесенности с определенными видами ценностей, реконструкция соответствующих поведенческих норм, интерпретация результатов с учетом сведений об особенностях формата ток-шоу.

Результаты и обсуждение. Наряду с лексико-фразеологическими единицами языка, оценочно-нормативные значения регулярно выражаются маркерами деонтической модальности, грамматическими средствами укрупнения масштаба ситуации, лексико-грамматическими показателями отступления от нормы; кроме того, в их трансляции участвуют выводные знания. В репертуаре ценностей преобладают утилитарно-материальные. Поведенческие нормы коррелируют с традиционными ценностями разных социальных групп и ценностями постсоветского времени. Влияние формата передачи на представление аксиологических значений заключается в релятивном (от противного) описании норм поведения и в уровне их обобщенности, в жесткой сбалансированности оценок по знаку, в преобладании личных ценностей над общественными, утилитарно-материальных – над духовными. Предложена и апробирована методика описания аксиологического комплекса «поведенческие нормы, оценки человека и ценности социума», репрезентированного в медийном тексте, имитирующем дискуссию о социально значимой проблеме.

Заключение. Сделанные выводы коррелируют с результатами, полученными в работах по другим гуманитарным направлениям. Вследствие пресуппозитивной природы семантики нормы ее лингвистическая реконструкция предполагает внимание к неспециализированным языковым средствам, а также явлениям дискурсивной природы.

Ключевые слова: ток-шоу, ценность, оценка, поведенческая норма, лингвоаксиологический анализ.

Введение

Проблемная область «медиа vs ценности, оценки, нормы» вызывает заметный интерес филологов, социологов, теоретиков журналистики, лингвистов [1–8]. Приведем некоторые суждения, существенные для исследования аксиологической составляющей ток-шоу.

Во-первых, современная Россия живет в ситуации «ценностной неопределенности», когда, с одной стороны, «сохраняются старые традиционные ценности; с другой – в сознание людей... внедряются новые, как правило, либеральные ценности, многие из которых не воспринимаются большей частью населения» [7]. Во-вторых, при том, что медиа являются мощным фактором формирования мировоззренческих установок, их влияние остается «бесконтрольным и малоизученным» [8]. В-третьих, телевидение увеличивает развлекательный сегмент, следствием чего, в частности, становится «деформация морально-этического содержания»

[9, с. 4], а значит размывание морально-этических ценностей. В-четвертых, претендуя на проблемное содержание, ток-шоу «паразитирует» на нем, создает «проблемный трэш-продукт, использующий всю полноту механизмов проблемного телевизионного дискурса, но лишаящий его главного – поиска и решения общественной проблемы» [3, с. 5–6] (цитата относится к исследуемой нами телевизионной программе «Андрей Малахов. Прямой эфир». – Д. В., Н. О.). Наконец, к признакам ток-шоу относится наличие конфликта и «железный сценарий» [10, с. 31], который трансформирует естественные диалоги и полилоги в их имитации. В данной статье мы абстрагируемся от прагматических аспектов контента ток-шоу и сосредоточимся на семантике поведенческих норм, которую транслируют в своих суждениях о героях передачи ее участники.

Поведенческая норма рассматривается широко, подводится под категорию регистрирующей и

предписывающей одновременно. Иначе говоря, норма – это то, что делает большинство, и то, как поступают авторитетные люди, что делалось всегда и считается правильным. Широкой трактовке поведенческих норм отвечает толкование понятия «поведение» в словарях. Так, в [11] поведение – 1) Совокупность поступков и действий по отношению к окружающим. 2) Умение вести себя в соответствии с установленными правилами распорядка. Предполагаем, что в дискурсе актуализируется одна из двух граней нормы (норма-обычай или норма-правило) и что различие между ними может нивелироваться.

По справедливому утверждению Н. Д. Федяевой, нормативные представления имеют пресуппозитивный, фоновый характер, являются одним из критериев оценки человеком действительности [12, с. 8–9]. Существует и обратное направление зависимости (от ценности и оценки – к нормативной практике), что убедительно показано Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниним на примере обусловленности норм коммуникативного поведения ценностями культуры [13]. С учетом диалектических отношений между нормой, оценкой, ценностью, в статье были поставлены и решались следующие задачи: во-первых, выявить в речевом материале маркеры оценочно-нормативных смыслов, сформировать корпус высказываний с данными маркерами; во-вторых, систематизировать высказывания корпуса в соответствии с имеющимися типологиями ценностей/антиценностей; в-третьих, эксплицировать поведенческие нормы, составляющие пресуппозиции высказываний каждой аксиологической группы. Особой, четвертой задачей стала интерпретация результатов исследования с учетом сведений о специфике формата ток-шоу.

Материал и методы

Материалом исследования стала передача, которая вышла в эфир 12 января 2018 г. под названием «Звезда в шоке! Сергей Зверев женился!». Прецедентное высказывание «звезда в шоке» отсылает массового зрителя к личности стилиста Сергея Зверева. Участники конфликта – сам «король гламура» (он отсутствовал в студии, но появлялся в видеозаписи), его приемный сын Сергей Зверев-младший и жена последнего Юлия, разделившая позицию мужа. Конфликт заключается в том, что Сергей Зверев-младший во второй раз женился без ведома отца.

Заявленный метод исследования – лингвоаксиологический анализ – представляет собой семантический анализ слов и высказываний, направленный на выявление в них нормативно-оценочных смыслов. Мы исходили из того, что указанные смыслы относятся к разным блокам лексического

значения, к ассертивной либо пресуппозитивной части высказываний, а также к разного рода инференциям. Последнее означает, что в исследовании применялись элементы дискурсивного анализа. Подход к материалу основан на сочетании индукции и дедукции. Процедуры индукции были основными при решении первой и третьей задач (сбор фактов, выделение типичных способов выражения нормативно-оценочных смыслов; выведение пресуппозиций отдельных высказываний и обобщение частных наблюдений). Напротив, вторая и четвертая задачи решались с опорой на сведения, полученные за рамками данного исследования. Дедукция определила распределение материала по «ячейкам» готовой (взятой в качестве рабочей) матрицы ценностей, а также позволила объяснить некоторые закономерности функционирования семантики поведенческих норм в анализируемом материале.

Результаты и обсуждение

Предварительное замечание касается оформления иллюстративного материала. В рамках решаемых задач авторизация высказываний не имеет принципиального значения, поэтому авторство указывается условно: М – Андрей Малахов, ведущий; Г – герой; Э – эксперт; У – остальные участники.

Решение первой задачи: способы выражения оценочно-нормативных смыслов

Специализированные средства выражения оценочно-нормативных смыслов встречаются в материале в единичных высказываниях, которые, строго говоря, не соотносятся с поведением: (1) Э: Ну и что такого в том, что девочке хочется замуж? Это же **нормально**. И я не вижу в этом **ничего плохого**... (2) Э: Ну, это же **нормально**, что ей хочется замуж! И это **хорошо**. При этом данные смыслы выражаются рядом неспециализированных средств, которые поддаются систематизации. Наиболее ярко представлены четыре группы таких средств.

1. Модальность долженствования, необходимости.

Оценка поведения выражается показателями деонтической модальности: *Делать X должно/нужно/не должно/не нужно/нельзя*. Нежесткую, нестрогую норму маркирует знак разрешительной модальности можно.

Семантика поведенческой нормы с разной степенью очевидности выделяется в высказываниях с общереферентным статусом и в таких, которые соотносены с конкретной ситуацией, объектом речи и т. д. Сравним примеры (3, 4) и (5): (3) Э: ...**мужчина должен** вести за собой женщину, а не быть ведомым; (4) У: *Сергея здесь поступает непра-*

вильно, потому что если возникают семейные проблемы, их нужно решать дома за семейным столом; (5) Г: Я считаю, что **ему нужна** семья, он реально одинокий много лет, и **он должен** жить в семье. В первом случае нормативный характер ситуаций более очевиден, однако принципиальных различий между примерами нет. В (3, 4) эксплицируется положительная оценка определенной линии поведения (*должен, нужно*) и частично, средствами грамматики, ее соотносительностью с множеством ситуаций (*мужчина* – ‘всякий мужчина’; *если возникает* – в любом случае, когда возникает). В (5) положительная эксплицитная оценка конкретной ситуации (*нужна, должен*) опирается на норму-пресуппозицию ‘правильно жить в семье, семья спасает от одиночества’.

Имплицитно значения долженствования, необходимости (и соответственно нормы) выражаются псевдовопросами. Следующие высказывания легко трансформируются в утверждения, включающие семантику долженствования и возможности соответственно: (6) Э: **Как можно не задумываться об этом** [о ребенке]? – * [Женатые люди] должны задумываться о ребенке; (7) У: Я не понимаю: **зачем обязательно сразу идти в загс?** – *Можно сразу не идти в загс.

2. Аксиологически заряженные лексемы/фразеологизмы.

Заголовок рубрики заимствован из работ Л. К. Байрамовой, которая ввела в научный оборот ряд фрагментов аксиологического фразеологического словаря (фразеологического словаря ценностей и антиценностей) [14, 15]. В лексемах оценка содержится в денотативном (8, 9) или коннотативном (10) блоке значения: (8) У: Он **помогает**, это неправда; (9) **Мудрая женщина** на вашем месте наоборот сделает все, чтобы отец и сын наладили отношения; (10) Э: Значит, это **не мужчина**. Всё, это не мужчина (тот, кто ударил жену. – Д. В., Н. О.). Лексические и фразеологические единицы с семантическими компонентами ‘хорошо’ и ‘плохо’ выражают однозначную (11) или амбивалентную (12) оценку: (11) Г: Я считаю, что это из мира фантастики, что Сережа может **поднять руку**. Он настолько добрый человек; (12) М: Почему звездный отец **отрекся** от единственного сына и **вычеркнул из своей жизни**? Двойственность оценки в «отрекся» и «вычеркнуть из жизни» подтверждается лексикографическим материалом, например [16, с. 706; 17]; мы обращаем внимание на единицы с амбивалентной оценкой в связи с их особой ролью в передаче, о чем будет сказано в заключительном разделе статьи.

3. Средства укрупнения масштаба ситуации.

Идея нормы-обычая передается генерализацией некоторого положения дел. Языковые механизмы,

обеспечивающие генерализацию, описаны одним из авторов статьи применительно к моральным суждениям [18]. В исследуемом материале переход от частного к общему обеспечивается нереферентным употреблением имен (13–15), местоимениями со значением всеобщности (13, 14), синтаксическими конструкциями со значением обобщенности (15); (13) Э: Плюс ко всему к этому Вы видите, что у него нет средств, нет денег. **Любая женщина...** срабатывает, ну, материнский некий инстинкт, чтобы четко понимать, а как мы будем кормить семью, содержать; (14) Э: Ведь **мужчина в любом случае**, вы понимаете, самец, обеспечивает, содержит, дает кров и так далее; (15) Э: Андрей, такие записочки **дети матерям** пишут своим. А **женщинам** не записочки **оставляют**, а денежку на тумбочке. А это записка от сыночка, а не от мужа.

4. Лексико-грамматические маркеры ненормативности ситуации.

Норма является пресуппозицией высказываний, в которых говорящие обсуждают ненормативные действия героев. Такие высказывания типичны для анализируемого ток-шоу, так как описываемые в нем события «далеко выходят за рамки обычных человеческих взаимоотношений» [3, с. 5].

Наиболее частотным знаком необычности ситуации является вопрос о причинах поступка (25 употреблений «почему» в контенте оценочно-нормативных высказываний): (16) М: Скажи мне, и все-таки, **почему** вы решили сделать свадьбу без гостей и огромного числа друзей?; (17) М: И, конечно, главный вопрос, который волнует всех, **почему** папу-то вы не позвали? (18) Э: **Почему** вторая свадьба, и постоянно без отца?

Необычность ситуации маркируется также частицей «даже». Одно из значений ДАЖЕ – 1. Употребляется при сообщении о том, что противоречит ожидаемому, осуществляется вопреки ему [19, с. 151]: (19) Э: То есть, никто **даже** не знал, что вы... [собираетесь пожениться]? (20) М: А ты можешь представить себе, что у тебя все-таки трое детей и ты не идешь на свадьбу, тебя **даже** не приглашают? – Э: Я с трудом это могу представить. В (20) смысл ‘нарушение нормы-обычая’ выражается и другими знаковыми средствами (с трудом это могу представить).

Выражение отрицания в контексте нейтральных и положительно-оценочных суждений также сигнализирует о нарушении нормы: (21) Э: В этой ситуации видно, что **не привит** институт брака. **Не привиты** семейные ценности у человека. (Должны были быть привиты, но этого не случилось.)

Перечисленные случаи (1–4) демонстрируют наиболее регулярные средства выражения семан-

тики нормы и оценки. С точки зрения языковых значений они в разной степени предназначены для выражения данной семантики (очевидно, что 1 и 2 в большей степени, чем 3 и 4, где указанная семантика выражается на лексико-грамматическом уровне).

Несоответствие нормативному поведению, как было сказано выше, составляет основу сюжета ток-шоу, поэтому отсутствие каких-либо маркеров ненормативности в высказываниях не означает, что объект речи характеризуется как соблюдающий обычай и(или) правила. Сообщение о необычном и(или) неправильном поступке может относиться к выводному знанию, или инференции. Рассмотрим следующую реплику ведущего: (22) *М: На днях состоялась свадьба Сергея Зверева-младшего. Это уже второе бракосочетание 24-летнего парня. Оба торжества звездный отец Зверев-старший проигнорировал.* В первом высказывании оценочно-нормативные смыслы отсутствуют; во втором «уже» в сочетании с указанием на молодой возраст позволяет зрителю домыслить то, что не сказано. В толковом словаре УЖЕ, нареч. – Имеет место, сделано, осуществлено (в противоположность тому, что было ранее, до этого, а также в сопоставлении с чем-нибудь) [19, с. 828]. Представляется, что в данном случае «сопоставление с чем-нибудь» как раз и обозначает сопоставление с обычаем, который нарушил герой. В третьем высказывании глагол «проигнорировал» (умышленно не заметил, не принял во внимание) имеет определенный аксиологический заряд, но не такой мощный, как «отрекся» или «вычеркнул из жизни». Таким образом, нормативно-оценочные смыслы в реплике не эксплицированы языковыми значениями, а выводятся из сказанного как инференции вероятностно-индуктивного типа [20]. Подобных высказываний довольно много; некоторые из них указывают на нормативное поведение. Данные высказывания составили периферию корпуса речевых фактов, на основе которых проводилось дальнейшее исследование. Частично они соотносятся с теми же фреймами (нормативными и ненормативными положениями дел), что и высказывания с выраженными маркерами ненормативности.

Ясно, что наличие – отсутствие нормативно-оценочных значений в высказываниях не является оппозицией с четко выделяемыми классами. Это связано с их шкалированием по яркости «аксиологического заряда», неспециализированным характером маркеров, подобных «почему», разной ролью контекста и фоновых знаний в механизмах инференции и т. д. Так как высказывания выражают нормативно-оценочные значения в большей или меньшей степени, говорить о числовых характеристиках корпуса не имеет смысла.

Решение второй задачи: ценности, отраженные в корпусе высказываний с нормативно-оценочными смыслами

В данном разделе сделана попытка классифицировать высказывания по их соотношенности с определенными видами ценностей.

Рабочая матрица аксиологических значений, с которой соотносится материал, составлена на основе нескольких источников. Во-первых, это типология традиционных ценностей и антиценностей, которую Л. К. Байрамова составила по данным фразеологии; она включает 10 диад ценностей и антиценностей: 1, 2 – витальные (жизнь – смерть, здоровье – болезнь), 3 – гедонистическая/духовная (счастье – несчастье); 4 – священная (Родина – чужбина); 5 – социально-утилитарная (труд – отдых, безделье); 6 – материально-утилитарная (богатство – бедность); 7 – интеллектуально-когнитивная (ум – глупость); 8 – нравственно-этическая (правда – ложь); 9 – эмоционально-утилитарная (смех – плач); 10 – религиозная (рай – ад) [14, с. 10]. Во-вторых, это типология моральных ценностей и антиценностей, составленная одним из авторов статьи по словарям, текстам, дискурсам XX в.; в ней аксиологические категории делятся на личностные и общественные с дальнейшей дифференциацией [18, с. 245–260]. В-третьих, учтены отдельные наблюдения других исследователей. Например, С. Г. Павлов выделяет такие традиционные ценности русского человека, как страдание (неэтично быть счастливым, пока есть страдающие), надежда (не на себя, а на Бога, судьбу, обстоятельства, помощь людей), поиск хорошего в плохом (оправдание); оптимистично-добродушное отношение к жизни, сострадательность, трезвый реализм [21, с. 67]. В своей статье Л. И. Богданова, решая вопрос об отражении в словарях русского языка ценностно-оценочных значений, обращает внимание на сложные коннотации таких понятий, как честь, совесть, широта, простор, удаль, общение, прямота, откровенность, скромность, кротость [22, с. 737–742].

Сначала назовем «матричные» ценности, репрезентации которых отсутствуют в речевом материале. Из диад Л. К. Байрамовой не представлены обе витальные, а также священная, эмоционально-утилитарная, религиозная. Из типологии, представленной в [18], нет отсылок к таким моральным категориям, как достоинство, стыд, совесть; альтруизм – эгоизм, смелость – трусость, наличие – отсутствие принципов. Речь также не идет о сострадательности, выделенной С. Г. Павловым в [21], и широте, удале, прямоте, откровенности, кротости, ценность которых обсуждает Л. И. Богданова в своей статье [22].

Отражены ценностные категории из оппозиций счастье – несчастье; богатство – бедность; ум –

глупость; правда – ложь (по Л. К. Байрамовой) / честность – нечестность; доброе – недоброе отношение к людям; способность – неспособность к близким и(или) долговременным отношениям; скромность – нескромность, наличие – отсутствие внутреннего содержания; наличие – отсутствие стремления к свободе, независимости (из перечня ценностей в классификации Н. В. Орловой). Способность – неспособность к близким и(или) долговременным отношениям конкретизируется в речевом материале как семейные ценности (отношения между детьми и родителями, отношения между мужем и женой).

Отдельно следует сказать о трансформациях некоторых ценностных категорий. Так, в типологии Л. К. Байрамовой труд – это член социально-утилитарной диады труд – отдых, безделье. В классификации Н. В. Орловой отношение к труду входит в перечень морально окрашенных общественных ценностей. В ток-шоу работа (лексемы *труд*, *трудиться* отсутствуют) рассматривается как инструмент обретения финансовой состоятельности. В той же проекции обсуждаются и такие отмечаемые в [18] ценностные категории, как свобода, независимость, отношение к испытаниям: речь идет о материальной независимости взрослых детей от родителей и о материальных трудностях. Кроме того, в речевом материале репрезентируются гендерные ценности, которые не вошли в «матрицу» (последнее не означает, что до нас они не были замечены, см. [23, 24]). Речь идет о семейных ролях, в которых акцентируется ответственность за решение финансовых проблем, хотя к этому роли не сводятся.

Таким образом, в том аксиологическом пространстве, которое представлено в ток-шоу, соотношение утилитарно-материального начала и моральных ценностей выглядит иначе, чем взятых за основу «матрицах»: актуализируются первые, деактуализируются вторые. Перечень ценностных категорий, маркированных высказываниями с нормативно-оценочными смыслами, имеет вид: счастье (несчастье не маркировано); финансовая состоятельность человека – ее отсутствие; мудрость, ум – их отсутствие; развитие, образование – их отсутствие; ложь (правда не маркирована); доброе – недоброе отношение к людям; скромность – стремление к эпатажу (оценки в обоих случаях амбивалентны); пошлость, вульгарность (положительная ценность, связанная с внутренним содержанием человека, не маркирована); семья (дети – родители), в частности финансовая независимость детей от родителей – финансовая зависимость детей от родителей; семья (муж – жена), в частности любовь – отсутствие любви, соответствие гендерной семейной роли – несоответствие гендерной семей-

ной роли; умение преодолевать трудности – неумение преодолевать трудности.

Решение третьей задачи: ценности и нормы поведения

Из семантики сгруппированных «по ценностям» высказываний выявлены пресуппозиции, связанные с поведенческими нормами. В рамках статьи нет возможности представить этот аспект анализа исчерпывающим образом. В проекции на нормы поведения будут рассмотрены те из ценностных категорий, которые репрезентированы наиболее плотно. Отдельно отмечаются случаи, когда транслируется не конкретная поведенческая норма, а линия поведения (высказывания этой группы более абстрактны, масштаб отраженных в них ситуаций крупнее).

Счастье. Большинство высказываний о счастье в ток-шоу являются благопожеланиями, прагматическая предпосылка которых – поведенческая норма ‘молодоженам принято желать счастья’: (23) У: Почему бы нам не поговорить о хорошем? Просто пожелать им счастья; (24) У: Я желаю тебе счастья, любви, взаимопонимания, всего-всего самого прекрасного. Другие высказывания о счастье имплицитно не поведенческие нормы, а закономерности «идеального мира»: в (25) идет речь о взаимной обусловленности детского счастья и родительской любви, в (26) счастье характеризуется как фактор, препятствующий развитию личности: (25) У: Когда я тебя видела, ты сиял от счастья, потому что папа вливал в тебя свою любовь; (26) Э: И самое ужасное в этой ситуации то, что они на самом деле могут быть счастливы. Потому что если... они вместе пойдут дальше и будут счастливы, то у Сергея его развитие остановится...

Финансовая состоятельность человека – ее отсутствие. Финансовая состоятельность рассматривается участниками передачи как следствие положительных личностных качеств (27, 28), условие для создания семьи (29) и появления в семье ребенка (30): (27) Э: И отец у тебя достаточно **мудрый** и достаточно **умный** человек. Он действительно **построил** достаточно большую **собственную империю**, **собственный бренд**; (28) Э: ...единственное, что я хочу, Юлечка, к Вам обратиться. Вам нужно очень много **работать над собой**. Потому что семейное **благополучие** зависит в первую очередь от женщины. Но сейчас Ваш уровень очень начальный; (29) У: И я считаю, что **вначале** надо было чего-то **добиться**, вырасти, а **потом** уже **жениться**; (30) Г: Начнем задумываться [о ребенке], когда у нас будет **нормальный капитал**. Все участники передачи, говоря на разные темы, исходят из пресуппозиции ‘человек дол-

жен стремиться к финансовому благополучию'. Данная предпосылка хотя и не относится к конкретной поведенческой норме, но указывает на правильную линию поведения.

Мудрость, ум – их отсутствие. Возраст зрелости предполагает мудрость: (31) У: А почему? Ты же **мудрая, взрослая**. Ты понимаешь, на что ты идешь. Интеллектуальные качества знаком «+» способствуют социально-утилитарному, в том числе финансовому, успеху (см. выше 27). Мудрость женщины способствует урегулированию семейных отношений (см. выше 9). Семантико-грамматические особенности высказывания (9) указывают на пресуппозицию нормы-обычая 'мудрая невестка действует так, чтобы наладить отношения мужа с его родителями'.

Развитие, образование – их отсутствие. Личностному развитию мужчины способствует или не способствует женщина (26, 32); нужно заниматься своим развитием, получать образование (33, 34): (32) Э: Он из раза в раз выбирает **женщин**, что бывшая его жена, что нынешняя, которые не могут способствовать **его развитию**; (33) М: А мне кажется, что вот **учиться не поздно ни в каком возрасте** (далее история про участника передачи-эксперта, который «всегда на каких-то курсах, на каких-то бакалавриатах»); (34) М: То есть история про то, что Сергею **нужно получить какое-то образование** или хотя бы вернуться на работу в отель, откуда он ушел? Статус пресуппозиции нормативного поведения имеет смысл 'по окончании школы необходимо продолжать образование'. Данный смысл репрезентирован прецедентным высказыванием «учиться никогда не поздно», модальным оператором «нужно».

Ложь. Ложь как антиценность обсуждается в связи с отрицанием героиней передачи наличия у нее ребенка. В дискурсе ток-шоу выражается ее осуждение (35) и осуждение лжи как таковой (36), при этом транслируется поведенческая норма-запрет 'нельзя врать при всех': (35) У: У нас **программа** началась с вранья. Спросили у девушки, есть ли у нее ребенок, она сказала «нет». Но **большинство здесь присутствующих** прекрасно понимает, что у нее есть ребенок; (36) Э: Богу не угодная ситуация, если Вы **при всех** на глазах врете.

Особенностью развития микротемы является то, что установление истинного положения дел не входит в сценарий. Автор одного высказывания (39) задает вопрос, остальные говорящие (37, 38, 40, 41) просто исходят из взаимоисключающих картин мира, как будто не слышат друг друга: (37) М: Но Сергей знает, что есть ребенок, да? – У: Ну, Сергею донесли, что есть ребенок, что он не слишком здоров; (38) М: Даже если мы подумаем, что нет ребенка... (39) Э: Один раз вы сказали –

нет ребенка, и тут что, секрет Полишинеля? Все-таки он есть или нет?; (40) Г: Был бы ребенок, я бы даже такого взял. Любого; (41) Г: Детей нет. Это просто слухи.

Семья (дети – родители). Маркер ненормативного поведения «почему» и оценочная лексика неоднократно употреблены в связи с ситуацией, которая стала информационным поводом передачи: Сергея Зверева-старшего не было на свадьбе сына. Так транслируется поведенческая норма-обычай 'родители присутствуют на свадьбе детей'. Знаки ненормативности в равной степени относятся к поведению отца (*проигнорировал, не пришел* – 42) и сына (*не позвали* – 17): (42) М: Лера Тувина... знает, почему Король гламура проигнорировал свадьбу своего сына... Скажи, пожалуйста, почему Сергей не пришел. Подобным образом, а именно через констатацию нарушения, один из участников передачи формулирует поведенческие нормы 'дети должны советоваться с родителями, дети должны ладить с родителями': (43) Э: И отец у тебя достаточно мудрый и достаточно умный человек... И не **посоветоваться, не спросить**, быть с отцом в разладах – **это не есть очень хорошо**. Высказывания о том, помогает ли отец сыну материально, не содержат однозначной оценки положения дел; они составляют диады из вопросов и полярных ответов. Плохо не отдать сыну свою квартиру (44), но плохо и когда взрослые дети живут на всем готовом (45): (44) У: Эта квартира, еще двухкомнатная. Вот Сережке-младшему почему бы не дать? (45) Э: Он привык, что ему все дается на блюде с голубой каемочкой.

Кроме поведенческих норм, оценки в данном смысловом поле отражают прескрипции более абстрактного характера, такие как принципы воспитания. Из высказываний экспертов следует, что родители должны прививать ребенку семейные ценности (43, 44), готовить к жизни (45): (43) Э: В этой ситуации видно, что **не привит** институт брака. Не привиты семейные ценности у человека; (44) М: А что скажут учителя Сережи? Вы здесь сегодня вот смотрите на все это, и... говорят, что в детстве все **не заложили**. (45) Э: ...Это проблема не только звездных родителей, но и просто родителей, когда есть такая, знаете, гиперопека над ребенком, и потом мы удивляемся, почему ребенок не приспособлен к жизни, и говорим, что он не может обеспечивать семью, не может зарабатывать деньги.

Семья (муж – жена). Высказывания на данную тему отражают наибольшее количество конкретных поведенческих норм. Некоторые из них коррелируют с традиционными ценностями разных социальных групп. Нормативно соблюдение ритуалов, в частности свадебный обряд с приглашением

родителей (17, 18). Не соответствующими традиционной норме признаются недолговременные браки и разводы молодых (норма 'брак должен быть долговременным' – (21)); ситуации, когда мужчина женится на женщине значительно старше его (норма 'муж старше жены или ее ровесник' – (46)); рукоприкладство со стороны мужа (норма 'не поднимать руки' – (10)). Как норма рассматривается ситуация, когда 'брак заключают по любви' – (47). Норма, касающаяся разницы в возрасте, транслируется в дискурсе ток-шоу наряду с противоположной.

Другие утверждения пресуппозитивно или асертивно выражают новые, частично постсоветские нормы. К ним относится неодобрение регистрации отношений ('нормально жить не в официальном браке' – (48)); 'финансовое благополучие как условие создание семьи и планирования детей' – (29, 30); жесткое закрепление гендерных семейных ролей ('женщина не выходит замуж за человека без средств' – (13); 'муж обеспечивает жену, является «ведущим»' – (14)). Семейные ценности в данном сегменте складываются из духовных (любовь, счастье) и материальных (обеспечивать, деньги), причем любовь и ее проявления со стороны мужа не признаются безусловным благом (15). Приведем подтверждающие высказывания, не введенные в текст статьи ранее: (46) М: *Был вопрос, почему Сергей выбрал женщину старше себя на 10 лет, почему выбрал женщину с ребенком;* (47) *Я сейчас говорю, что у них очень искренние чувства друг к другу;* (48) У: *Я не понимаю, зачем обязательно сразу идти в загс? Жили бы раз, год, три, четыре. Для чего сразу же создавать семью?*

Решение четвертой задачи: влияние формата на представление аксиологических значений

Аксиологический комплекс «ценность, оценка, поведенческая норма» в формате ток-шоу «Малахов. Прямой эфир» имеет особенности, связанные с развлекательными интенциями передачи, ее претензией на проблемный характер и установкой на конфликт.

Сразу несколько черт, заданных форматом ток-шоу, демонстрирует фраза из начальной реплики ведущего: (12) М: *Почему звездный отец отрекся от единственного сына и вычеркнул из своей жизни?*

Во-первых, в ней, как и во многих других высказываниях участников передачи, выражено релятивное (от обратного) представление о нормальных внутрисемейных отношениях. Это соответствует установке ток-шоу на показ того, что отклоняется от общепринятого поведения.

Во-вторых, благодаря использованию «аксиологически заряженных» слов она моделирует про-

blemную ситуацию в идеологической тональности, предполагающей серьезность и бескомпромиссность оценок [25]. Повышенная экспрессия реплики декларирует заявку на социально значимое содержание, которая в конечном счете не подтверждается. В ходе передачи оказывается, что оценочные суждения «отрекся» и «вычеркнул из жизни» не основаны на каких-либо иных фактах, кроме того, что отец не пришел на свадьбу сына. Сергей Зверев-младший и, что интересно, сам ведущий называют ряд фактических сведений, которые противоречат ситуации «отречения» и «вычеркивания из жизни»: (49) Г: *Да у нас в принципе-то особо ссоры-то крупной нет. И не было, и нету. Это другие говорят, что крупная ссора. Мы общаемся по телефону, по СМС, всегда он пишет: ты тепло одеваешься и так далее. – М: Я знаю, что присылает одежду фирменную вам. – Г: Да. Так что здесь такого... сенсации, что мы...* Таким образом, проблема не просто не решается, но и – в заявленном масштабе – отсутствует.

В-третьих, «отречься» и «вычеркнуть из жизни» оценочно амбивалентны, как и некоторые другие высказывания ведущего. (Характерно, например, использование альтернативного вопроса: (50) М: *Что движет гламурным папой? Желание защитить сына или банальная отцовская ревность?*) Баланс пейоративных и мелиоративных оценок героев поддерживают другие участники передачи, что соответствует сценарию, но не соответствует обоснованию позиций в естественной дискуссии. Кроме того, защищая и осуждая героев «в равных долях», гости приводят противоречивую информацию, причем противоречия не снимаются до конца передачи. Получается, что оценке подвергается некая условная реальность, в которой оказываются логически совместимыми противоречащие друг другу положения дел.

Формат ток-шоу оказывает влияние на репертуар ценностей и обусловленных ими поведенческих норм. Эксплуатация интереса зрителей к частной жизни «звезд» приводит к абсолютному преобладанию личных ценностей над общественными, соответственно, нормы поведения также относятся к сфере межличностных отношений. Передача транслирует как традиционные ценности, так и новые; последние ярче всего продемонстрировала реплика эксперта (15) про «денежку на тумбочке», в которой в явном виде показана иерархия материально-утилитарных и духовных ценностей.

Представляется, что формат передачи отчасти определил уровень конкретности/абстрактности реконструированных норм поведения. Претензия на социально значимое содержание сочетается с заявленной (в закамуфлированном виде) установкой на публичные сплетни: (51) М: *Сегодня в на-*

шей программе – **все подробности** нового брака. Отсюда, с одной стороны, в ток-шоу сочетаются осуждение и защита некоего явления и рассказ о событиях – с другой, а по результатам исследования этого материала реконструируются должные линии поведения и конкретные поведенческие нормы. К первым относятся: ‘человек должен стремиться к финансовому благополучию’; ‘мудрая невестка действует так, чтобы наладить отношения мужа с его родителями’; ‘брак заключают по любви’; ‘дети должны ладить с родителями’ и др.; ко вторым – ‘родители присутствуют на свадьбе детей’, ‘молодоженам желают счастья’; ‘нельзя лгать публично’ и др.

Заключение

Лингвоаксиологическое, семантическое по используемым методам исследование ток-шоу выявило заметную корреляцию результатов с теми, которые получены в работах по другим гуманитарным направлениям. Передача транслирует широкий спектр мировоззренческих установок, имеющих эклектичный характер, представляет традици-

онные и новые, постсоветские ценности, что соответствует выводам об аксиологической неопределенности в современном российском пространстве [7]. В ней имитируется обсуждение проблем, следовательно, в какой-то степени присутствует «отрицание коммуникации», о чем говорится в [3]. Перенос внимания с нормы на не-норму является проявлением (в данной передаче довольно мягким, слабым) тяготения медиа, и ток-шоу в частности, к сенсационности, эпатажности, скандальности [3].

Считаем важным обратить внимание на неспециализированные (лексико-грамматические, синтаксические) речевые средства выражения нормативно-оценочных значений, а также на явления дискурсивной природы. Пресуппозитивный статус норм и их отношения с ассертивной частью семантики высказывания недостаточно осмыслены и описаны. В частности, интересно было бы более подробно рассмотреть, как выражаются на поверхностно-речевом уровне различия между нормами-обычаями и нормами-правилами; какова роль в имплицировании нормативных значений отдельных языковых, речевых, дискурсивных средств.

Список литературы

1. Гуленко П. В., Долгова Ю. И. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу» // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 3. С. 102–110.
2. Нигматулина К. Р. Аксиология в журналистике: пересекающиеся измерения // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 1. С. 140–146.
3. Сибиданов Б. Б. Две формы отрицания в телевизионном трэш-дискурсе // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 1 (19). С. 1–7.
4. Сибиданов Б. Б. Телевизионный медиатекст: три типа медиаситуаций // Вестн. Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 58–68.
5. Фукс Д. А. Телевизионные развлекательные программы как феномен современной массовой речевой культуры // Вестн. культуры и искусств. 2013. № 4 (36). С. 111–114.
6. Шаповалова Н. Г. Ток-шоу как модель современного дискурсивного взаимодействия в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 9-4 (51). С. 181–184.
7. Хорина Г. П. Ценности русской культуры в условиях цивилизационного кризиса // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 6. С. 16–26. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/6/Khorina_Values-of-Russian-Culture/ (дата обращения: 20.12.2019).
8. Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/04.php (дата обращения: 20.12.2019).
9. Ильченко С. Н. Трансформация жанровой структуры современного отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2012. 48 с.
10. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 224 с.
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html> (дата обращения: 28.02.2020).
12. Федяева Н. Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2010. 39 с.
13. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
14. Байрамова Л. К. Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестн. Новгородского гос. ун-та. 2014. № 77. С. 10–12.
15. Байрамова Л. К. Тема родины в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 52–57.

16. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 2.
17. Словарь многих выражений, 2014. URL: https://all_words.academic.ru/ (дата обращения: 15.02.2020).
18. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
20. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
21. Павлов С. Г. Лингвоаксиологическая модель человека: науч.-метод. аспект // Вестн. Мининского ун-та. 2013. № 2. С. 56–68.
22. Богданова Л. И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 4. С. 729–748.
23. Нистратов А. А., Синячкин В. П. Гендерные различия восприятия ценностей // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4. С. 94–101.
24. Соловьева Н. С. Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии). Магнитогорск: Магнитогор. гос. ун-т, 2011. 374 с.
25. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

Васильева Дарина Сергеевна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 644077). E-mail: darisheg@gmail.com

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, 644077). E-mail: nvorl@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 23.03.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-4-152-162

BEHAVIORAL NORMS IN TALK SHOW FORMAT: LINGUAXIOLOGICAL ANALYSIS OF TV SHOW “LIVE WITH ANDREY MALAKHOV”

D. S. Vasilieva, N. V. Orlova

F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Introduction. The influence of modern media on the worldview and behavioral attitudes of society remains poorly understood. Behavioral norms, broadcast in the format of talk shows, are the basis for evaluative statements, are correlated with the values of different types. The dialectical relations of the components of the axiological complex determine the feasibility of their joint consideration. The goal is to identify and describe behavioral norms, assessments of a person and the values of society represented in one of the programs of the talk show “Live with Andrey Malakhov”.

Material and methods. Linguoaxiological analysis is a semantic analysis of units of different language levels and categories of discursive nature, aimed at identifying normative and estimated values in the field of human behavior. The stages of the analysis are the identification of typical means of expressing these values and the formation on their basis of a factual basis for research, the classification of statements according to their relation to certain types of values, the reconstruction of relevant behavioral norms, the interpretation of the results taking into account information about the features of the talk show format.

Results and discussion. Along with the lexical and phraseological units of the language, estimated and normative values are regularly expressed by markers of deontic modality, grammatical means of enlarging the scale of the situation, lexical and grammatical indicators of deviation from the norm; moreover, in their translation involved knowledge. Utility-material prevail in the repertoire of values. Behavioral norms correlate with traditional values of different social groups and post-Soviet values. The influence of the transmission format on the presentation of axiological meanings lies in the relational (from the negative) presentation of the norms of behavior and in the level of their generality, in a strict balance of sign ratings, in the prevalence of personal values over social, utilitarian-material – over spiritual.

A methodology for describing the axiological complex “behavioral norms, assessments of a person and the values of socie-ty”, presented in a media text imitating a discussion about a socially significant problem, is proposed and tested.

Conclusion. The findings correlate with the results obtained in works in other humanitarian areas. Due to the presuppositive nature of the norm semantics, its linguistic reconstruction presupposes attention to non-specialized language means, as well as discursive phenomena.

Keywords: talk shows, value, assessment, behavioral norm, linguo-axiological analysis.

References

1. Gulenko P. V., Dolgova Yu. I. Problemy klassifikatsii sovremennykh teleperedach: sushchnostnye kharakteristiki formata "tok-shou" [Problems of classification of modern television shows: the essential characteristics of the talk show format]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2016, no. 3, pp. 102–110 (in Russian).
2. Nigmatulina K. R. Aksiologiya v zhurnalistike: peresekayushchiyesya izmereniya [Axiology in Journalism: Intersecting Measurements]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika*, 2008, issue 1, pp. 140–146 (in Russian).
3. Sibidanov B. B. Dve formy otritsaniya v televizionnom tresh-diskurse [Two forms of denial in television trash discourse]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 1 (19), pp. 1–7 (in Russian).
4. Sibidanov B. B. Televizionnyy mediatekst: tri tipa mediasituatsiy [Tel-evision media text: three types of media situations]. *Vestnik Severnogo (Ark-ticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Pomor University. Series: "Humanitarian and Social Sciences"*, 2019, no. 2, pp. 58–68 (in Russian).
5. Fuks D. A. Televizionnye razvlekatel'nye programmy kak fenomen sovremennoy massovoy rechevoy kul'tury [Television entertainment pro-grams as a phenomenon of modern mass speech culture]. *Vestnik kul'tury i iskusstv – Culture and Arts Herald*, 2013, no. 4 (36), pp. 111–114 (in Russian).
6. Shapovalova N. G. Tokshou kak model' sovremennogo diskursivnogo vzaimodeystviya v Rossii [Talk show as a model of modern discursive interaction in Russia]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2016, no. 9–4 (51), pp. 181–184 (in Russian).
7. Khorina G. P. Tsennosti russkoy kul'tury v usloviyakh tsivilizatsionnogo krizisa [Values of Russian culture in the conditions of a civilizational crisis]. *Informatsionnyy humanitarnyy portal "Znaniye. Ponimaniye. Umeniye" – Knowledge. Understanding. Skill*, 2016, no. 6, pp. 16–26 (in Russian). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/6/Khorina_Values-of-Russian-Culture/ (accessed 20 December 2019).
8. Polikarpova E. V. Aksiologicheskiye funktsii massmedia v sovremennom obshchestve [Axiological functions of the media in modern society] (in Russian). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/04.php (accessed 25 December 2019).
9. Il'chenko S. N. Transformatsiya zhanrovoy struktury sovremennogo otechestvennogo telekontenta: aktualizatsiya igrovoy prirody tevideniya. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Transformation of the genre structure of modern domestic television content: actualization of the game nature of television television. Abstract of thesis of doct. philol. sci.]. Moscow, 2012. 48 p. (in Russian).
10. Kuznetsov G. V. *Tak rabotayut zhurnalisty TV* [This is how TV reporters work]. Moscow, Moscow University Publ., 2000. 224 pp. (in Russian).
11. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovoobrazovatel'nyy* [The new dictionary of the Russian language. Intelligent and educational]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000 (in Russian). URL: <https://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html> (accessed 28 February 2020).
12. Fedyayeva N. D. *Semantika normy v russkom yazyke: funktsional'nyy, kategorial'nyy, lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [The semantics of the norm in the Russian language: functional, cate-gorical, linguoculturolog-ical aspects. Abstract of thesis of doct. philol. sci.]. Barnaul, 2010. 39 p. (in Russian).
13. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye: uchebnoye posobiye. 4-e izd.* [Russians: communicative behavior: text-book. 4th ed.]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 328 p. (in Russian).
14. Bayramova L.K. Poslovitsy v "Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo yazyka: slovare tsennostey i antitsennostey" [Proverbs in the "Axiological phraseological dictionary of the Russian language: a dictionary of values and antiquities"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NovSU*, 2014, no. 77, pp. 10–12 (in Russian).
15. Bayramova L. K. Tema rodiny v "Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo yazyka" [The theme of the motherland in the "Axi-ological phraseological dictionary of the Russian language"]. *Poliparadigmalye konteksty frazeologii v XXI veke: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Polyparadigmatic contexts of phraseology in the 21st century: proceedings of an international scientific conference]. Tula, Tul'skoye proizvodstvennoye poligraficheskoye ob'yedineniye Publ., 2018. Pp. 52–57 (in Russian).
16. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* AN SSSR, In-t rus. yaz. 3-e izd., stereotip. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian. language; 3rd ed., Stereotype]. Ed. A. P. Evgenieva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. Vol. 2, 736 p. (in Russian).

17. *Slovar' mnogikh vyrazheniy 2014* [Multi-Expression Dictionary 2014]. (in Russian). URL: https://all_words.academic.ru/ (accessed 15 February 2020).
18. Orlova N. V. *Naivnaya etika: lingvisticheskiye modeli (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Naive ethics: linguistic models (on the material of modern Russian language)]. Omsk, Variant-Omsk Publ, 2005. 266 p. (in Russian).
19. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dop.* [Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed.]. Moscow, Azbukovnik Publ, 1999. 944 p. (in Russian).
20. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
21. Pavlov S. G. Lingvoaksiologicheskaya model' cheloveka: nauchno-metodicheskiy aspekt [Linguoaxiological model of man: scientific and methodological aspect]. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*, 2013, no. 2, pp. 56–68 (in Russian).
22. Bogdanova L. I. Otsenki i tsennosti v zerkale slovarey russkogo yazyka [Estimates and Values in the Mirror of Russian Dictionaries]. *Vestnik RUDN. Series: Linguistics – Russian Journal of Linguistics*, 2017, vol. 21, no. 4, pp. 729–748 (in Russian).
23. Nistratov A. A., Sinyachkin V. P. Gendernye razlichiya vospriyatiya tsennostey [Gender differences in the perception of values]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2014, no. 4, pp. 94–101 (in Russian).
24. Solov'eva N. S. *Dinamika gendernykh stereotipov v angliyskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira (na materiale frazeologii)* [Dynamics of gender stereotypes in English and Russian language pictures of the world (based on phraseology)]. Magnitogorsk, MaSU Publ., 2011. 374 p. (in Russian).
25. Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 520 p. (in Russian).

Vasilieva D. S., postgraduate student, F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077). E-mail: darisheg@gmail.com

Orlova N. V., doctor of philology, professor, F. M. Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077). E-mail: nvorl@rambler.ru